

НЕОНОМАДИЗМ КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

И. С. Миллер

Ирина Сергеевна Миллер

Пятигорский государственный университет, пр. Калинина, 9, Пятигорск, 357532, Россия.

Эл. почта: miller@pgu.ru. ORCID 0000-0002-0058-6094

Аннотация. Статья посвящена исследованию появившихся в результате цифровизации новых форм транснациональной мобильности как социально-политического феномена, отражающего не только трансформацию поведения мобильных индивидов, но и переосмысление связи гражданина с государством в рамках общественного договора. Отмечается, что распространение удалённой занятости и трансграничных мобильностных практик приводит к размыванию классических миграционных категорий и требует уточнения аналитического инструментария. Задача исследования состоит в комплексном анализе неонамадизма как многогранного явления: выявлении типов мобильных субъектов, анализе их мотиваций и стратегий перемещения, а также оценке институциональных последствий для государства и трансформации гражданско-государственных отношений в условиях глобальной мобильности и цифровых технологий. Методологической основой работы выступает междисциплинарный подход, сочетающий институциональную теорию и концепцию общественного договора, применяемая многоуровневая модель анализа (микро-, мезо- и макроуровни) позволяет интегрировать эндогенные мотивационные установки индивидов и экзогенные факторы территорий. Основное внимание уделяется выявлению структурных характеристик неонамадизма, его типологизации и анализу последствий для современной миграционной политики и института гражданства. Установлено, что неонамадизм представляет собой форму временного и селективного включения индивида в институциональные режимы различных государств, при которой юридическое гражданство и фактическое место проживания перестают совпадать, что ведёт к перераспределению налоговых и социальных обязательств, трансформации механизмов гражданской принадлежности и формированию элементов посттерриториализации социально-политических отношений. Представленные в статье теоретическая и методологическая разработка типологизации мигрантов, а также моделирование принятия решений с учётом внутренней мотивации индивидов и экзогенных факторов территорий, могут стать основой для дальнейших исследований глобальной миграции. Статья способствует расширению понимания различных форм мобильности как объекта социально-политического анализа и их влияния на формирование государственной политики.

Ключевые слова: неонамадизм, транснациональная мобильность, миграционные стратегии, общественный договор, гражданские обязательства, трансформация гражданства.

Для цитирования: Миллер И. С. Неонамадизм как социально-политический феномен. Южно-российский журнал социальных наук. 2026. Т. 27. № 1. С. 81–97.

Введение

Глобализация и цифровизация радикально трансформировали не только систему социально-политических и экономических отношений, но изменили взгляды граждан на взаимодействие с государствами. В современных условиях формируются новые типы мобильности, не укладывающиеся в классические миграционные категории и требующие отдельной концептуализации. Появление мобильных высокоресурсных специалистов ставит вопросы о соблюдении баланса между правами и обязанностями граждан, об их возможностях и желании участвовать в социально-политической жизни государств происхождения и резидентства, актуализирует проблемы соблюдения принципа взаимности и справедливости распределения общественных издержек.

Номадизм проявляется как особый образ жизни, связанный с высокой степенью автономии, цифровой независимости и мобильности, что требует новых подходов к исследованию его социальной, экономической и политической значимости. Существующие подходы преимущественно интерпретируют мобильность в рамках классической миграционной политики, что не позволяет в полной мере объяснить трансформацию механизмов гражданства, контроля и легитимации власти в отношении мобильных субъектов. В этой связи важной научной задачей представляется анализ неономадизма как новой формы мобильности в контексте трансформации взаимодействия гражданина и государства, а также изменений в механизмах гражданской принадлежности, территориального суверенитета и государственного регулирования мобильных субъектов.

Степень разработанности проблемы в научных исследованиях

Анализ существующих подходов к неономадизму позволяет структурировать исследования миграционных групп на микро-, мезо- и макроуровнях, сопоставляя индивидуальные практики, институциональные рамки и глобальные трансформации. На уровне индивидуальных практик рассматриваются мобильность как образ жизни, самодисциплина и выстраивание социальных границ (Cohen, 2011; Cook, 2022; Hayes, 2014; Ullah, Hassan, Mohamad & Chatteraj, 2021), а также индивидуальные стратегии мобильности (Doherty, Richardson & Thorn, 2013; Ferriss, 2009; Selmer, Shaffe, Jooss & Reiche, 2025).

На мезоуровне — уровне сообществ и институтов, политологические исследования рассматривают регулирование миграции и государственные практики (Атанесян, Морозова, Мхитарян, Заславская, 2025; de Haas & Vezzoli, 2018), а также урбанистические и социологические аспекты номадизма (Cranston & Duplan, 2023; Lacárcel, 2025).

В исследованиях на макроуровне акцент делается как на глобализации и государственном управлении (Зорин, Аствацатурова, Бурда, 2025; Мищук, 2022; Мухаметов, 2023; Таишева, 2022; Schwab & Malleret, 2020), так и на трансформации экономики, миграции и технологий (Цапенко, Гришин, 2022; Baldwin, 2019; Thompson, 2018).

Ряд исследователей демонстрируют сочетание инструментария политологии, социологии, антропологии, географии, технологий и гуманитарных наук, объединяя микро-, мезо- и макроуровни анализа (Dreher & Triandafyllidou, 2025; Cook, 2022; Lacárcel, 2025; Mancinelli & Salazar, 2023; Cranston & Duplan, 2023).

Несмотря на значительный массив междисциплинарных исследований, анализ неономадизма остается фрагментированным и недостаточно институционализированным, отсутствуют четко сформулированные операциональные определения неономадизма и смежных понятий, а также целостный концепт этого социально-политического феномена.

Методология и методы исследования

Исследование носит междисциплинарный характер, сочетая институциональный подход и теорию общественного договора. Неономадизм рассматривается как результат взаимодействия индивидуальных стратегий мобильности и условий, создаваемых государствами и глобальной экономикой. В работе применяется многоуровневая модель (микро-, мезо-, макроуровни), учитывающая мотивацию

индивидов, миграционную политику и социально-экономические трансформации. Используется институционально-агентный подход, рассматривающий неонамадизм как перераспределение политической субъектности и индикатор изменений во взаимодействии граждан и государства.

Методологически исследование опирается на концептуально-аналитический метод и типологический подход, используемые для уточнения понятийного аппарата и разграничения смежных категорий мобильности. Авторская модель принятия решения о мобильности рассматривает сочетание эндогенных и экзогенных факторов и их влияние на индивидуальные стратегии в контексте действующих институциональных структур. Для систематизации форм мобильности используется построение аналитических (идеальных) типов, позволяющее выявить логические различия между стратегиями миграционного поведения. Разработанная модель принятия решения о мобильности основывается на сочетании желательности и возможности движения и выступает эвристическим инструментом анализа, не претендуя на исчерпывающее эмпирическое описание, но позволяя структурировать мотивационные установки индивидов, а также обозначить потенциальные направления дальнейших исследований.

В работе также применяется сравнительно-аналитический метод, предполагающий сопоставление различных миграционных групп по критериям правового статуса, целей и длительности пребывания, степени социально-экономической и политической интеграции. Это обеспечивает концептуальную дифференциацию неонамадизма в системе современных форм мобильности. Исследование носит теоретико-моделирующий характер и направлено на разработку аналитической рамки, способной служить основой для дальнейшей эмпирической проверки и количественной операционализации.

Причины неонамадизма

По мнению Дж. Карлинга и К. Таллераас, причины миграции формируются на уровне государства, сообществ и индивидов и определяют возникновение миграционных устремлений и способность их реализовать прежде всего в контексте перспектив улучшения благосостояния (Carling & Talleraas, 2016). Проведенный Я. Кунт систематический анализ миграционных исследований показал, что причины миграции проявляются на макроуровне (насилие, права человека, экономика, политика, экология), мезоуровне (миграционная культура, сети, технологии, инфраструктура) и микроуровне (возраст, образование, пол, личностные характеристики, толерантность к риску) (Kuhn, 2019).

Н. Дреер и А. Триандафиллиду также выделили три уровня взаимодействий между агентами и структурами: макроуровень, включающий большие глобальные и исторические системы (неолиберализм, постколониализм), мезоуровень, содержащий более гибкие структуры, в рамках которых создаются политики цифрового номадизма (визовые режимы и т. п.), и микроуровень, где рассматриваются индивидуальные агенты, их практики и картины мира (Dreher & Triandafyllidou, 2025). Данные авторы утверждают, что неолиберализм формирует и нормализует «неолиберальную субъектность», акцентируя индивидуальную ответственность за собственную судьбу, где успех и неудачи трактуются как личные достижения, не связанные со структурными факторами. В рамках данного подхода индивид позиционируется как рациональный предприниматель собственной жизни,

свободный от социальных обязательств, где мобильность является символом независимости и успеха, а государство и гражданство видятся как ограничители свободы, налагающие эти обязательства (включая налоги и необходимость защиты государства) без компенсации в глобальном мире. Самоидентификация, свобода перемещений и независимость от социально-политических систем на самом деле весьма относительны, так как даже такой образ жизни требует прохождения определенных юридических процедур, таких как получение резидентства, регистрация бизнеса, открытие банковских счетов, оплата налогов, получение виз и т.п. (Cook, 2022).

С. Крэнстон и К. Дюплан указывают на формирование следующих норм мобильности: представления о мобильности как о массовом явлении и идеале свободного индивида без обязательств; нормы доступа к мобильности через индивидуальные навыки и квалификацию, где транснациональная мобильность рассматривается как социальный признак успеха; а также нормы неограниченной мобильности (Cranston & Duplan, 2023).

Экономические проблемы и ограничения перспектив развития, характерные как для развивающихся стран, так и многих развитых экономик Глобального Севера, становятся доминирующими драйверами миграции. Если классические мигрирующие группы (трудовые мигранты, беженцы) стремятся в страны «золотого миллиарда», то неономады, обладая преимуществами в образовании, финансах и гражданстве, все чаще выбирают обратный вектор движения — в более климатически комфортные и менее затратные для сохранения (а иногда и повышения) текущего уровня проживания страны. Таким образом, они осуществляют «геоарбитраж» (Ferriss, 2009) — географическое решение проблем экономической прекарности через выбор направлений с более низкой стоимостью жизни. Некоторые респонденты прямо определяют себя как «экономических беженцев» (Науес, 2014), подчеркивая превалирование экзогенных факторов в своем решении мигрировать.

На макроуровне важным аспектом является концепция «Великой Перегрузки» (Schwab & Malleret, 2020), потенциальная реализация которой может существенно повлиять на глобальную мобильность. Тезис «Вы ничем не владеете, но вы счастливы», впервые озвученный ВЭФ в 2016 г.¹ как программный лозунг трансформации частной собственности и расширения шеринговой экономики, в случае внедрения способен значительно увеличить число потенциальных глобальных номадов. Эпоха массового кочевничества в древности завершилась с переходом к земледелию, «привязавшему» население к конкретной территории. В индустриальном обществе владение недвижимостью и материальными активами также формировало устойчивую территориальную привязку. Сегодня исследователи все чаще говорят о поколении Z как «поколении без собственности», связывая это с недоступностью покупки жилья, стагнацией зарплат², а также изменением ценностей (в частности, желание жить «здесь и сейчас», практика микропенсий, инвестиции «в себя» и т.п.). Существенно сократившийся в результате запланированного устаревания срок эксплуатации вещей и модель одноразового

¹ 8 predictions for the world in 2030. Retrieved from <https://www.facebook.com/worldeconomicforum/videos/8-predictions-for-the-world-in-2030/10153920524981479/>

² Gen Z: A new economic force. Retrieved from <https://institute.bankofamerica.com/content/dam/economic-insights/genz-new-economic-force.pdf>

потребления также радикально сокращают материальные активы. В результате объем физической собственности молодых поколений нередко сводится к содержимому рюкзака, обеспечивая им высокую географическую мобильность.

Еще одним фактором территориальной фиксации выступает институт семьи, в частности, необходимость обеспечения ухода и поддержки детей и родителей. Однако для молодежи характерны повышение возраста вступления в брак, снижение рождаемости, распространение идеологии чайлдфри, что освобождает их от соответствующих обязательств. Рост продолжительности жизни снимает с молодежи и заботу о родителях: старшее поколение финансово гораздо более стабильно, а здравоохранение и развитая сфера услуг минимизируют необходимость личного ухода.

Таким образом, к традиционным историческим причинам мобильности, таким как войны и экономические кризисы, добавились влияние неолиберальной идеологии, геополитика, развитие цифровых технологий, а также снижение материальных активов и личных обязательств, что ведет к усилению и усложнению миграционных процессов.

Номады в системе миграционных групп

Цифровизация и развитие киберфизических систем создали условия для удаленной работы и совместной деятельности глобально рассредоточенных специалистов из разных стран и культур (Lacárcel, 2025), а также сделали возможным «кочевание» между государствами практически без потерь продуктивности. В современных условиях формируются новые типы мобильности и миграции, обуславливающие необходимость дополнительных исследований и конкретизации.

Современная миграционная терминология включает различные группы мигрантов, которые имеют различные правовые, экономические, социальные и культурные причины пребывания и требуют разных подходов со стороны государства (табл. 1).

Попытки выделить четкие характеристики миграционных групп продолжают-ся, но исчерпывающий концепт еще не найден. Некоторые группы, такие как туристы и беженцы, легко идентифицируются, тогда как отчетливое разграничение других групп, имеющих во многом схожие характеристики, представляет определенную сложность. Например, среди мигрантов выделяют привилегированные группы экспатриантов (экспатов) (Ullah, Hassan, Mohamad & Chattoraj, 2021), отличающихся более высоким уровнем квалификации и широкими финансовыми возможностями. Данная группа включает корпоративных экспатриантов — высококвалифицированных специалистов, отправленных работодателем за рубеж с целями выполнения профессиональных обязанностей (Selmer, Shaffe, Jooss & Reiche, 2025), добровольных экспатриантов, покидающих страну по собственной инициативе, высокий профессионализм которых отличает их от трудовых мигрантов, занятых, как правило, в сфере низко- и среднеквалифицированного труда, а также глобальных добровольных корпоративных экспатриантов, самостоятельно инициатирующих экспатриацию, но в рамках одной организации (Doherty, Richardson & Thorn, 2013). Сюда же относятся и мигранты с пассивным доходом (дивиденды, рентная плата), и мигранты-пенсионеры из развитых стран, переезжающие в страны с более комфортными климатическими условиями и низкой стоимостью жизни.

Таблица 1. Основные характеристики миграционных групп

Table 1. Key Characteristics of Migration Groups

Характеристика	Туристы	Иммигранты	Беженцы	Экспаты	Релоканты	Номады
Статус	Официальный	Официальный временный / постоянный	Международно-правовой временный / статус беженца	Официальный / полуофициальный / корпоративный временный	Полуофициальный долгосрочный резидент	Официальный / полуофициальный мобильный
Причины перемещения	Эндогенные: отдых / развлечение / познание	Эндогенные: экономические, социальные	Экзогенные: преследования / войны / гуманитарная катастрофа	Экзогенные: работа / корпоративные переводы, экономические	Экзогенные: политические	Эндогенные: образ жизни, климат
Цели перемещения	Культурные: развлечение / отдых	Социальные / экономические / культурные / политические	Социальные / политические: безопасность, убежище	Экономические: профессиональные задачи	Ожидание изменений на родине	Экономические: образ жизни
Планируемая длительность нахождения	Короткий срок (дни-недели)	Долгосрочная	Зависит от ситуации в стране происхождения	Временная (обычно 1–3 года)	Зависит от ситуации в стране происхождения	Временная сезонная, циклическая
Предельная частота перемещений	Высокая	Низкая	Низкая	Низкая	Низкая	Высокая
Связь со страной происхождения	Сохранение крепких связей	Постепенное ослабление связи с родиной	Разрыв или затрудненная связь	Сохранение крепких связей	Частично сохраняется	Минимальная, формальная
Встраиваемость в социальную структуру страны перемещения	Отсутствует	Средняя/высокая	Низкая/средняя	Средняя	Средняя	Низкая
Встраиваемость в экономику страны перемещения	Низкая	Высокая: легальное трудоустроены	Трудоустройство ограничено, требуются расходы	Высокая: связаны с компанией, финансово независимые	Средняя: часто нелегальное, есть финансово независимые	Низкая

Таблица 1. Окончание
End of table 1

Характеристика	Туристы	Иммигранты	Беженцы	Экспаты	Релоканты	Номады
Погружение в культуру страны перемещения	Поверхностное / ознакомительный характер	Среднее / глубокое	Зависит от условий и времени пребывания	Среднее	Среднее	Отсутствует / очень поверхностное
Уровень участия в политической жизни страны перемещения	Отсутствует	Средний, ограниченный	Низкий, ограниченный	Низкий личный / высокий как представитель организаций	Низкий, ограниченный	Скрытый

Термин «релокант» появился в 2022 г. и обозначил массовый выезд россиян после начала специальной военной операции: сначала в рамках корпоративной релокации сотрудников в Армению, Грузию, Турцию, Казахстан, Сербию, ОАЭ, Таиланд, Израиль, затем — как форму самостоятельной эмиграции, в том числе с целью уклонения от мобилизации. Несмотря на сходство с экспатами (значительная доля высококвалифицированных IT-специалистов с финансовыми ресурсами), релоканты отличаются преобладанием политических, а не профессиональных мотивов переезда. Согласно проведенным опросам, большинство респондентов готовы вернуться в Россию в случае смены политического режима в стране (Таишева, 2022). Покидание страны в связи с политическими убеждениями соответствует категории беженцев, однако они не обращаются за получением соответствующего статуса.

Массовая эмиграция по политическим убеждениям без намерения получения статуса беженца не уникальна для России. Так, достаточно значительное количество американцев демонстрировали намерение покинуть США после избрания Д. Трампа в 2024 г.³, что относит их к группе релокантов, однако подтвержденных данных о количестве реализовавших данные планы пока нет. Многие релоканты, если не найдут место постоянного резиденства или не вернуться на родину, также могут трансформироваться в неономадов.

Р. Болдуин пишет о телемиграции, представляющей собой форму виртуальной трудовой миграции, при которой работник, используя цифровые технологии связи, осуществляет профессиональную деятельность в другой стране, не совершая физического перемещения (Baldwin, 2019), т.е. является по сути «виртуальным экспатом». Виртуальная миграция, несмотря на отсутствие физического перемещения, усугубляет дисбалансы и создает новые источники социальной дифференциации и напряженности (Цапенко, Гришин, 2022).

Миграционной группой, интегрирующей характеристики экспатов и телемигрантов, являются цифровые номады — профессионалы, обладающие

³ CNBC узнал о планах богатых американцев уехать из США после выборов. Режим доступа <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/672583bf9a79476f091ec965>

высокой квалификацией, ведущие удалённую работу, постоянно перемещаясь по миру (Hannonen, 2020). Согласно различным данным на сегодняшний день в мире насчитывается от 40 до 80 млн цифровых номадов⁴. Наиболее часто исследователи приводят две характеристики цифровых номадов — трансграничные путешествия и удаленная работа с использованием цифровых технологий. Д. Кук и Т. Симоновский определяют номадов в пространстве двух координат: фокуса на работу/не работу и высокой/низкой мобильности (Cook, 2020), где цифровые номады, оказываются в квадранте, сочетающем высокий рабочий фокус с высокой мобильностью. Это позволяет отличить их от, например, бэкпекеров, туристов, неработающих элит и экспатов (по критерию фокуса не на работу), а также от работающих экспатов и части изредка путешествующих по делам бизнеса (по критерию низкой мобильности); однако часть бизнес-путешественников все же оказывается с номадами в одном сегменте по заданным критериям. Такими же нечеткими оказываются границы в схеме, основанной на идее дифференциации мобильности, связанной с работой (удаленные работники, фрилансеры, путешествующие профессионалы), и мобильности, связанной с образом жизни (бэкпекеры, флешпекеры, глобальные/неономады). Не вполне понятны (и требуют введения дополнительных критериев) и отличия номадов от экспатов, эмигрантов и целого ряда других перемещающихся групп.

Цифровой номадизм представляет собой подгруппу более широкой категории «номадов» (глобальных, нео- и цифровых) (Hannonen, 2020), объединённых восприятием путешествия — вплоть до «бродяжничества» — как нормального образа жизни, где путь важнее пункта назначения (Cohen, 2010). В отличие от туризма номадизм характеризуется длительным пребыванием вне постоянного места жительства, отсутствием обязательного возвращения и мотивацией, выходящей за рамки досуга. Бэкпекеры, флешпекеры, пошпекеры и гэпперы — формы независимой мобильности, различающиеся ресурсами и стилем жизни, но ориентированные на продолжительное пребывание и культурную иммерсию (Cohen, 2011; Hampton, 2013). Распространению этих практик способствует идеология «микропенсии» — временных пауз в профессиональной деятельности ради путешествий и саморазвития.

Определение точной численности группы неономадов осложняется отсутствием единых критериев и официального учета соответствующего статуса в миграционных формах (либо его сокрытием самими индивидами), а также тем, что эмпирические данные в основном формируются на основе корпоративных отчетов, опросов и экстраполяций. Тем не менее большинство исследователей прогнозирует увеличение численности данной категории в будущем.

Несмотря на относительно низкую встраиваемость в социально-политические структуры принимающих стран, неономады оказывают на них весьма заметное воздействие: в рамках экономики происходит приток иностранного капитала, поддержка туристического сектора, развитие инфраструктуры, создание рабочих мест; в социально-культурной сфере — обмен знаниями, обучение местных, популяризация регионов и привлечение туристов. Некоторые государства, воспринимая неономадов как позитивное явление для местных экономик, активно работают над созданием режимов максимального благоприятствования, о чем свидетельствуют растущие усилия по созданию специальных налоговых политик,

⁴ Digital nomads – statistics & facts (2025). Retrieved from <https://www.statista.com/topics/9259/digital-nomads/>; TheNomadAlmanac.com (2025). Retrieved from <https://thenomadalmanac.com/digital-nomad-statistics/>

визовых программ для цифровых номадов⁵, а также стратегии абсорбции через технологии «умного государства» (Мухаметов, 2023).

Мобильность как соотношение эндогенных и экзогенных факторов

Неономадизм — это идеология «жизни в движении», предполагающая снятие оппозиции между работой и досугом и освобождение от пространственно-временных ограничений благодаря возможности работать из любой точки мира. Он апеллирует к идее самоактуализации через мобильность как удовлетворение экзистенциальной потребности в движении («Moveo ergo sum»), в котором и через которое реализуется индивидуальная свобода (Mancinelli & Salazar, 2023).

Сущностной характеристикой всех типов миграционных потоков является наличие у их субъектов желания и возможности движения. Для простоты будем полагать, что в условном решении «быть или не быть» мобильным каждой из альтернатив («начать движение» [Д] или «не начинать движение» [–Д]) атрибутированы их возможность [В] и желательность [Ж], в свою очередь характеризующиеся собственным наличием [1] или отсутствием [0]. Дополнительно введем аксиому 1 (A1), запрещающую одновременное отсутствие желательности обеих альтернатив [Д, –Д] (данная ситуация скорее может представлять интерес для исследований в области психологии), оставив вместе с тем возможность ее одновременного наличия, т.е. амбивалентности желания, как гипотетически эвристически полезную (табл. 2).

Типы 5–8 отражают потенциальных мигрантов: у них присутствует желание, но отсутствует возможность движения. К группе «Изгнанник» относятся лица, мигрирующие под воздействием экзогенных факторов (беженцы, трудовые мигранты, релоканты и др.). Сюда же теоретически можно отнести «истинных патриотов», обладающих возможностью уехать, но остающихся в неблагоприятных (зачастую и небезопасных) условиях, однако такие случаи редки. «Классические патриоты» (п. 12) характеризуются отсутствием желания мигрировать при наличии соответствующих возможностей.

Группы «Перекасти-поле» и «Бродяга» характеризуются наличием как желания, так и возможности движения, что позволяет отнести к ним классических мигрантов и неономадов (включая бэкпекеров, глобальных номадов и добровольных экспатриантов). Различие состоит в том, что «Перекасти-поле» не имеет удерживающих факторов, тогда как «Бродяга» мигрирует, несмотря на благоприятные условия в стране пребывания. В первом случае возврат на родину маловероятен, во втором — не исключён.

«Беглеца» отличает от «Изгнанника» наличие желания мигрировать, в то время как на «Изгнанника» воздействуют экзогенные факторы. К группе «Турист» можно отнести не только собственно самих туристов, но и многочисленных других мигрантов, покидающих место своей локации, например, для учебы, карьерного роста или культурного обогащения. Их перемещение носит временный характер и предполагает возврат в точку начала движения.

Эмпирические исследования неономадов затруднены из-за изменчивости их собственных установок относительно продолжительности миграции. Построение

⁵ Nomads Embassy (2025). Updated List of Digital Nomad Visa Approval. Retrieved from <https://nomadsembassy.com/digital-nomad-visa-approval-rates/>; Global Citizen Solutions; Global Digital Nomad Report 2025. Retrieved from <https://www.globalcitizensolutions.com/report/global-digital-nomad-report-2025/>

Таблица 2. Принятие решения о мобильности

Table 2. Decision-Making on Mobility

#	Д		–Д		Решение	Интерпретация результата	Идеальный тип
	ДВ	ДЖ	–ДВ	–ДЖ			
1	0	0	0	0	–(A1)	Не существует	
2	0	0	0	1	–Д	Отсутствие движения	Патриот
3	0	0	1	0	–(A1)	Не существует	
4	0	0	1	1	–Д	Отсутствие движения	Патриот
5	0	1	0	0	–Д	Отсутствие движения	Потенциальный перекасти-поле
6	0	1	0	1	–Д	Отсутствие движения	Потенциальный беглец
7	0	1	1	0	–Д	Отсутствие движения	Потенциальный бродяга
8	0	1	1	1	–Д	Отсутствие движения	Потенциальный турист
9	1	0	0	0	–(A1)	Не существует	
10	1	0	0	1	Д	Нежелательное движение в силу отсутствия возможности не двигаться	Изгнанник или истинный патриот
11	1	0	1	0	–(A1)	Не существует	
12	1	0	1	1	–Д	Отсутствие движения в силу отсутствия желания	Патриот
13	1	1	0	0	Д	Желательное движение без возможности и альтернативного желания не двигаться	Перекасти-поле
14	1	1	0	1	Д	Желательное движение без возможности, но с альтернативным желанием не двигаться	Беглец
15	1	1	1	0	Д	Желательное движение без альтернативного желания, но с возможностью не двигаться	Бродяга
16	1	1	1	1	Д и –Д	Желательное движение с альтернативным желанием и возможностью не двигаться либо желательное отсутствие движения с возможностью и альтернативным желанием двигаться	Турист

полной классификации миграционных групп осложняется трансформацией первоначальных намерений под влиянием адаптации и институциональных факторов, что порождает гибридные стратегии мобильности — комбинированные модели перемещения с элементами разных типов миграции.

Приведенный вариант упорядочить миграционные группы все же оставляет вопросы о вероятности начала движения, т.е. о том, как принимается решение и выбираются стратегия и направление перемещения. Для анализа важно перейти на мезоуровень — уровень структур и территорий, между которыми происходит перемещение. Территории обладают удерживающими/выталкивающими факторами для своих граждан и притягивающими/отталкивающими для других (Lee, 1966), включая социально-политическую обстановку, экономическую ситуацию, этно-конфессиональные характеристики, возможности для личного развития и др. Решение о миграции реализуется при совпадении устремлений индивидов и институциональных возможностей принимающих стран, определяя выбор направления и успешность адаптации. Как писал Х. де Хаас, «до тех пор, пока стремления в районах происхождения будут расти быстрее, чем местные возможности, это будет мотивировать людей к миграции» (de Haas & Vezzoli, 2018). С.Н. Мишук описала обратную ситуацию — немиграцию, которая может быть добровольной (человек выбирает остаться) или вынужденной (нет возможностей переехать) (Мишук, 2022).

Территории характеризуются наличием факторов, способных одновременно удерживать (У) или выталкивать (В) собственных граждан, а также притягивать (П) или отталкивать (О) потенциальных мигрантов из других регионов. Индивид принимает решение о миграции на основании агрегирования этих факторов: $C(\text{исход}) = У - В$, $C(\text{назнач}) = П - О$, где $C(\text{исход})$ отражает чистый эффект факторов удержания/вытеснения на территории происхождения, а $C(\text{назнач})$ — чистый эффект факторов притяжения/отталкивания территории назначения. Финальное решение индивидуума относительно миграции либо сохранения пребывания в стране можно моделировать как функцию сравнения: $D = C(\text{назнач}) - C(\text{исход})$. Чем больше величина $|D|$, тем сильнее воздействие совокупности факторов на решение индивидуума начале движения или отказе от него.

Сила эндогенного желания двигаться (табл. 2) индивидуума может уменьшать зависимость решения от величины $|D|$. Иными словами, даже при относительно слабых или противоречивых территориальных факторах индивид с высокой мотивацией к миграции способен инициировать движение, тогда как индивид с низким желанием будет оставаться на месте, несмотря на значительные дисбалансы факторов территорий. Данная интеграция двух уровней анализа позволяет количественно сопоставлять экзогенные факторы территорий и одновременно учитывать эндогенные мотивационные установки индивида, что создаёт теоретическую основу для построения более точных моделей миграционных потоков и прогнозирования поведения различных типов как классических мигрантов, так и неономадов.

Институциональные последствия и вызовы неономадизма

Присутствие неономадов может создавать локальные социальные дисбалансы: закрытые сообщества усиливают изоляцию и напряжённость, а высокая покупательная способность повышает стоимость жилья, что ведёт к джентрификации и вытеснению жителей с низкими доходами. Сложность мониторинга работы в киберпространстве повышает риск нелегальной трудовой деятельности

номадов, нарушений трудового законодательства и недополучения налогов государствами, что приводит к неосновательному обогащению номадов за счёт пользования общественными благами. Кроме того, цифровые номады подвержены кибератакам и утечкам данных, создавая потенциальные угрозы национальной безопасности принимающих стран.

Эти проблемы способствуют росту социального неравенства, культурных конфликтов и протестов местного населения. В странах с большим притоком цифровых номадов — Мексике⁶, Испании (Барселона)⁷, Таиланде⁸ и др. — уже возникали массовые акции против роста стоимости жизни, вытеснения из кварталов, разрушения культурного наследия и инфраструктуры для приезжих. Номады оказались косвенно вовлечены в эти конфликты, воспринимаясь как символ глобализации или экономического давления.

Неономады часто воспринимаются как элитарная группа с высокой экономической и, в мире открытых границ, политической свободой, включая возможность выбирать благоприятную страну для жизни и работы. При этом возможность упрощенного перемещения через границы есть не у каждого, а только владельцев «сильных паспортов» стран глобального Севера (Thompson, 2018). По мнению некоторых исследователей, рост удаленной работы перевернет общественный договор (Cook, 2022), заставив национальные государства «конкурировать за граждан». Многие рассматривают номадизм как возможность расторжения общественного договора между государством и человеком, однако на практике подобная свобода сложно реализуема, так как нахождение в любой стране требует согласования вопросов резидентства, уплаты налогов, соблюдения трудового законодательства и т.д.

Неономадизм — это модель временного и селективного включения индивида в институциональные режимы разных государств, которая, в отличие от классической миграции, не требует устойчивой территориальной привязки и сохраняет высокую автономию субъекта. Основная характеристика — разрыв между юридическим гражданством и фактическим местом жизни, что ослабляет традиционную модель территориального суверенитета, а общественный договор становится временным и условным, позволяя субъекту выбирать наиболее благоприятные юрисдикции для своей жизни и работы.

Неономадизм может способствовать появлению более гибких форм политической лояльности, где гражданство и резидентство конкурируют, а права и обязанности распределяются между несколькими государствами. Это создаёт новое социальное неравенство и заставляет государства адаптировать свои политические режимы через визы, налоги и цифровизацию, конкурируя за мобильных граждан. Неономадизм представляет собой переход от индустриальной модели общества к посттерриториальной конфигурации, где экономическая и социальная активность распределена глобально, что изменяет функции и механизмы удержания граждан.

⁶ New York Post (2025). Mexico City plans to tackle gentrification after protests. Retrieved from <https://nypost.com/2025/07/19/world-news/mexico-city-plans-to-tackle-gentrification-after-protests-against-mass-tourism/>

⁷ The Guardian (2023). Barcelona residents protest against 'digital nomads' and gentrification. Retrieved from <https://www.theguardian.com/cities/2023/nov/15/barcelona-residents-protest-digital-nomads-gentrification>

⁸ Bangkok Post (2024). Expats and digital nomads face protest backlash in Chiang Mai. Retrieved from <https://www.bangkokpost.com/thailand/general/2123456/expats-digital-nomads-face-protest-backlash-in-chiang-mai>

С точки зрения теории общественного договора неонамадизм не разрывает связи с государством, а позволяет временно заключать и расторгать договоры с разными странами. Это вызывает вопросы о долгосрочных обязательствах граждан перед государством и сохранении культурных особенностей. Номады не интегрируются в местные сообщества и сохраняют свою культурную идентичность, что ставит под вопрос формирование идентичности их детей.

Помимо этого, остается открытым вопрос о компенсации государствам, а точнее предыдущим поколениям общества, затрат на образование, медицину и другие общественные блага, которые были предоставлены номадам в их странах происхождения. Остаются нерешёнными проблемы финансирования социально незащищённых граждан страны происхождения номадов, а также обеспечения социальной поддержки самих номадов и их семей в случае утраты трудоспособности, пенсионных прав при недостаточных личных ресурсах.

Актуальна и дискуссия о политических правах номадов, длительное время не проживающих в странах своего гражданства. Юридически они сохраняют право голоса, которое привязано к гражданству, а не к резидентству. Но их фактическое отсутствие в своей стране ставит под сомнение их осведомленность о социально-экономических проблемах, а также компетентность в принятии политически значимых решений, последствий которых они избегают.

Неономадизм выступает индикатором посттерриториального этапа модерна и трансформации принципов гражданства, суверенитета и институциональной взаимности, а его изучение имеет ключевое значение для анализа современного глобального общества и разработки государственных стратегий адаптации к новым формам мобильности.

Заключение

Неономадизм демонстрирует сдвиг от территориально закреплённого гражданства к посттерриториальной конфигурации: юридическое гражданство и фактическое местоположение расходятся, а общественный договор становится временным и условным. Субъекты могут выбирать наиболее благоприятные юрисдикции для жизни и работы, создавая конкуренцию резидентства и гражданства, новые формы политической лояльности и социально-экономические вызовы для государств.

Неономадизм нельзя рассматривать лишь как новую форму мобильности или как стиль жизни, связанный с цифровыми технологиями. По сути, мы имеем дело с глубинной трансформацией отношений между человеком и государством. С одной стороны, неонамадизма придерживаются высокообразованные, экономически успешные индивиды с цифровым капиталом, продвигающие идеи свободы и демократии, способные с помощью технологий трансформировать политические системы и формировать новые модели взаимодействия с государствами. С другой стороны, номадизм может рассматриваться как форма эскапизма привилегированных групп, уход от социальных и гражданских обязанностей, нежелание решать проблемы своих стран и оставление немобильных уязвимых категорий населения в неблагоприятных, с точки зрения неонамадов, условиях.

Вероятно, в ближайшие годы государства будут вынуждены искать новые формы регулирования мобильности: через ужесточение визовых режимов, налогообложения, введение дополнительных инструментов контроля над финансовыми потоками и в целом переосмысление связи между гражданством, резидентством и политическими

правами. И в этом контексте ключевой вопрос заключается не в том, исчезнет ли неонамадизм — он, скорее всего, будет только расти. Вопрос в другом: как государство XXI в. будет существовать в мире, где наиболее образованные, ресурсные и мобильные граждане больше не считают себя ему обязанными, а связь с государством и общественный договор рассматривают как временный выбор.

Библиографический список

- Атанесян, А. В., Морозова, Е. В., Мхитарян, С. А., Заславская, М. И. (2025). Реформа местного самоуправления в восприятии жителей укрупнённых общин Армении. *Южно-российский журнал социальных наук*, 26(2), 6–22. DOI: 10.31429/26190567-26-2-6-22
- Зорин, В. Ю., Аствацатурова, М. А., Бурда, М. А. (2025). Миграционные процессы в современной России: актуальные реакции политики и управления. *Российский социально-гуманитарный журнал*, 4, 110–126. DOI: 10.18384/2224-0209-2025-4-1678
- Мишук, С. Н. (2022). Факторы немиграции как элемент управления миграционными процессами. *Society and Security Insights*, 5(3), 103–117. DOI: 10.14258/ssi(2022)3-07
- Мухаметов, Д. Р. (2023). «Умное государство» между глобализацией и деглобализацией: особенности электронных резидентов и цифровых кочевников. *Власть*, 31(5), 146–152. DOI: 10.31171/vlast.v31i5.9812
- Таишева, В. В. (2022). Цифровые номады и миграционные процессы в российской IT-сфере: политологический анализ. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 24(3), 460–479. DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-3-460-479
- Цапенко, И. П., Гришин, И. В. (2022). Виртуализация трансграничной трудовой миграции. *Вестник российской академии наук*, 92(9), 849–859. DOI: 10.31857/S0869587322090109
- Baldwin, R. (2019). *The Globotics Upheaval: Globalisation, Robotics and the Future of Work*. Oxford: Oxford University Press.
- Carling, J., Talleraas, C. (2016). *Root Causes and Drivers of Migration: Implications for humanitarian efforts and development cooperation*. Peace Research Institute Oslo (PRIO). Retrieved from <https://www.prio.org/publications/9229>
- Cohen, S. (2010). Re-conceptualising Lifestyle Travellers: Contemporary ‘drifters’. In Hannam, K. & Diekmann A. (Eds.) *Beyond Backpacker Tourism: Mobilities and Experiences* (pp. 64–84). Bristol: Channel View Publications.
- Cohen, S. A. (2011). Lifestyle Travellers: Backpacking as a way of life. *Annals of Tourism Research*, 38(4), 1535–1555. DOI: 10.1016/j.annals.2011.02.002
- Cook, D. (2020). The freedom Trap: Digital Nomads and the Use of Disciplining Practices to Manage Work/Leisure Boundaries. *Information Technology & Tourism*, 22, 355–390. DOI: 10.1007/s40558-020-00172-4
- Cook, D. (2022). Breaking the Contract: Digital Nomads and the State. *Critique of Anthropology*, 42(3), 304–323. DOI: 10.1177/0308275X221120172
- Cranston, S., Duplan, K. (2023). Infrastructures of Migration and the Ordering of Privilege in Mobility. *Migration Studies*, 11(2), 330–348. DOI: 10.1093/migration/mnad001
- De Haas, H., Vezzoli, S. (2018). *European Migrations: Dynamics, Drivers, and the Role of Policies*. Luxembourg: Publications Office of the European Union. DOI: 10.2760/371793
- Doherty, N., Richardson, J., Thorn, K. (2013). Self-initiated Expatriation and Self-initiated Expatriates: Clarification of the research stream. *Career Development International*, 18(1), 97–112. DOI: 10.1108/13620431311305971
- Dreher, N., Triandafyllidou, A. (2025). Understanding Digital Nomadism: A Three-Level Framework for Migration Studies. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 51(19), 4801–4820. DOI: 10.1080/1369183X.2025.2517353

- Ferriss, T. (2009). *The 4-hour Workweek: Escape 9–5, live Anywhere, and Join the New Rich*. New York: Crown Publishers.
- Hampton, M. (2013). *Backpacker Tourism and Economic Development: Perspectives from the Less Developed World (Contemporary Geographies of Leisure, Tourism and Mobility)*. London: Routledge.
- Hannonen, O. (2020). In Search of a Digital Nomad: Defining the Phenomenon. *Information Technology & Tourism*, 22(3), 335–353. DOI: 10.1007/s40558-020-00177-z
- Hayes, M. (2014). 'We Gained a Lot over What We Would Have Had': The Geographic Arbitrage of North American Lifestyle Migrants to Cuenca, Ecuador. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 40(12), 1953–1971. DOI: 10.1080/1369183X.2014.880335
- Kuhn, J. (2019). *Literature Review: Drivers of Migration. Why Do People Leave Their Homes? A Structured Overview of Migratory Determinants*. Bonn: German Development Institute (DIE). Retrieved from https://www.idos-research.de/uploads/media/DP_9.2019.pdf
- Lacárcel, F.J.S. (2025). Digital Technologies, Sustainable Lifestyle, and Tourism: How Digital Nomads Navigate Global Mobility. *Sustainable Technology and Entrepreneurship*, 4(2), 100096. DOI: 10.1016/j.stae.2025.100096
- Lee, E. (1966). A Theory of Migration. *Demography*, 3(1), 47–57.
- Mancinelli, F., & Salazar, N. (2023). Introduction: Understanding Neo-nomadic Mobilities beyond Self-actualisation. *Mobility Humanities*, 2(2), 1–6. DOI: 10.23090/MH.2023.07.2.2.001
- Miller, I. (2025). Digital Nomads as Political Factor and a Hypothetical Political Actor. *Journal of Sociology: Bulletin of Yerevan University*, 16(2(42)), 54–71. DOI: 10.46991/BYSU.F/2025.16.2.054
- Schwab, K., Malleret, T. (2020). *COVID-19: The Great Reset*. Geneva: Forum Publishing.
- Selmer, J., Shaffer, M., Jooss, S., Reiche, B. (2025). A Typology of Long-term Expatriates: Conceptualization, Consequences and Future Research. *Human Resource Management Review*, 35(2), 101074. DOI: 10.1016/j.hrmr.2024.101074
- Thompson, B.Y. (2018). Digital Nomads Employment in the Online Gig Economy. *Glocalism: Journal of Culture, Politics and Innovation*, 1, 1–26. DOI: 10.12893/gjcpi.2018.1.11
- Ullah, A., Hassan, H., Mohamad, S., Chattoraj, D. (2021). Privileged Migrants & Their Sense of Belonging: Insider or Outsider? *Asian Journal of Social Science*, 49(3). 161–169. DOI: 10.1016/j.ajss.2021.03.004

Статья поступила в редакцию 10.10.2025
Статья принята к публикации 10.11.2025

NEONOMADISM AS A SOCIO-POLITICAL PHENOMENON

I. S. Miller

Irina S. Miller

Pyatigorsk State University, Kalinina Ave., 9, Pyatigorsk, 357532, Russia.

E-mail: miller@pgu.ru. ORCID 0000-0002-0058-6094

Abstract. This article explores new forms of transnational mobility brought about by digitalization, treating them as a socio political phenomenon. These forms not only reflect changes in the behavior of mobile individuals but also entail a redefinition of citizen state relations within the social contract framework. The spread of remote employment and cross border mobility practices, the article argues, blurs classical migration categories and calls for more refined analytical tools. The study aims at a comprehensive analysis of neonomadism as a multidimensional phenomenon: identifying mobile subject types, examining their motivations and movement strategies, and assessing the institutional repercussions for the state alongside the transformation of civic state relations in an era of global mobility and digital technologies. Methodologically, the research adopts an interdisciplinary approach that combines institutional theory with the concept of social contract. A multilevel analytical model (micro, meso, and macro) enables integration of individuals' endogenous motivational drivers with exogenous territorial factors.

The analysis focuses on structural features of neonomadism, its typology, and consequences for contemporary migration policy and citizenship institutions. The findings indicate that neo-nomadism constitutes a form of temporary and selective inclusion of individuals into different states' institutional regimes, whereby legal citizenship and actual residence no longer coincide. This mismatch triggers a redistribution of tax and social obligations, transforms the mechanisms of civic belonging, and fosters elements of post territorialization in socio political relations. The theoretical and methodological framework developed here – particularly the migrant typology and the decision making model accounting for internal motivation and exogenous territorial factors – can serve as a foundation for further research on global migration. The article thus broadens our understanding of diverse mobility forms as an object of socio political analysis and sheds light on how these forms shape public policy.

Keywords: neonomadism, transnational mobility, migration strategies, social contract, civic obligations, transformation of citizenship.

For citation: Miller I. S. Neonomadism as a Socio-Political Phenomenon. *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2026. Vol. 27. No 1. Pp. 81–97.

References

- Atanesyan, A. V., Morozova, E. V., Mkhitarian, S. A., Zaslavskaya, M. I. (2025). Reforma mest-nogo samoupravleniya v vospriyatii zhitel'ei ukрупnennykh obshchin Armenii [Local Self-Government Reform in the Perceptions of Residents of Armenia's Enlarged Communities]. *Yuzhno-rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk* [South-Russian Journal of Social Sciences], 26(2), 6–22. DOI: 10.31429/26190567-26-2-6-22
- Baldwin, R. (2019). *The Globotics Upheaval: Globalisation, Robotics and the Future of Work*. Oxford: Oxford University Press.
- Carling, J., Talleraas, C. (2016). *Root Causes and Drivers of Migration: Implications for Humanitarian Efforts and Development Cooperation*. Peace Research Institute Oslo (PRIO). Retrieved from <https://www.prio.org/publications/9229>
- Cohen, S. (2010). Re-conceptualising Lifestyle Travellers: contemporary 'drifters'. In Hannam, K. & Diekmann A. (Eds), *Beyond Backpacker Tourism: Mobilities and Experiences* (pp. 64–84). Bristol: Channel View Publications.
- Cohen, S. A. (2011). Lifestyle Travellers: Backpacking as a Way of Life. *Annals of Tourism Research*, 38(4), 1535–1555. DOI: 10.1016/j.annals.2011.02.002
- Cook, D. (2020). The Freedom Trap: Digital Nomads and the Use of Disciplining Practices to Manage Work/Leisure Boundaries. *Information Technology & Tourism*, 22, 355–390. DOI: 10.1007/s40558-020-00172-4
- Cook, D. (2022). Breaking the Contract: Digital Nomads and the State. *Critique of Anthropology*, 42(3), 304–323. DOI: 10.1177/0308275X221120172
- Cranston, S., Duplan, K. (2023). Infrastructures of Migration and the Ordering of Privilege in Mobility. *Migration Studies*, 11(2), 330–348. DOI: 10.1093/migration/mnad001
- De Haas, H., Vezzoli, S. (2018). *European Migrations: Dynamics, Drivers, and the Role of Policies*. Luxembourg: Publications Office of the European Union. DOI: 10.2760/371793
- Doherty, N., Richardson, J., Thorn, K. (2013). Self-initiated Expatriation and Self-initiated Expatriates: Clarification of the Research Stream. *Career Development International*, 18(1), 97–112. DOI: 10.1108/13620431311305971
- Dreher, N., Triandafyllidou, A. (2025). Understanding Digital Nomadism: A Three-level Framework for Migration Studies. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 51(19), 4801–4820. DOI: 10.1080/1369183X.2025.2517353
- Ferriss, T. (2009). *The 4-hour Workweek: Escape 9–5, live Anywhere, and Join the New Rich*. New York: Crown Publishers.
- Hampton, M. (2013). *Backpacker Tourism and Economic Development: Perspectives from the Less Developed World (Contemporary Geographies of Leisure, Tourism and Mobility)*. London: Routledge.

- Hannonen, O. (2020). In Search of a Digital Nomad: Defining the Phenomenon. *Information Technology & Tourism*, 22(3), 335–353. DOI: 10.1007/s40558-020-00177-z
- Hayes, M. (2014). ‘We Gained a Lot Over What We Would Have Had’: The Geographic Arbitrage of North American Lifestyle Migrants to Cuenca, Ecuador. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 40(12), 1953–1971. DOI: 10.1080/1369183X.2014.880335
- Kuhn, J. (2019). *Literature Review: Drivers of Migration. Why Do People Leave Their Homes? A Structured Overview of Migratory Determinants*. Bonn: German Development Institute (DIE). Retrieved from https://www.idos-research.de/uploads/media/DP_9.2019.pdf
- Lacárce, F.J.S. (2025). Digital Technologies, Sustainable Lifestyle, and Tourism: How Digital Nomads Navigate Global Mobility. *Sustainable Technology and Entrepreneurship*, 4(2), 100096. DOI: 10.1016/j.stae.2025.100096
- Lee, E. (1966). A Theory of Migration. *Demography*, 3(1), 47–57.
- Mancinelli, F., & Salazar, N. (2023). Introduction: Understanding Neo-nomadic Mobilities Beyond Self-actualisation. *Mobility Humanities*, 2(2), 1–6. DOI: 10.23090/MH.2023.07.2.2.001
- Miller, I. (2025). Digital Nomads as Political Factor and a Hypothetical Political Actor. *Journal of Sociology: Bulletin of Yerevan University*, 2(42), 54–71. DOI: 10.46991/BYSU.F/2025.16.2.054
- Mishchuk, S. N. (2022). Faktory nemigratsii kak ehlement upravleniya migratsionnymi protsessami [Factors of Non-Migration as an Element of Migration Processes Management]. *Society and Security Insights*, 5(3), 103–117. DOI: 10.14258/ssi(2022)3-07
- Mukhametov, D. R. (2023). “Umnnoe gosudarstvo” mezhduglobalizatsiei i deglobalizatsiei: osobennosti ehlektronnykh rezidentov i tsifrovyykh kochevnikov [Smart State Between Globalization and Deglobalization: Features of E-Residents and Digital Nomads]. *Vlast’* [The Authority], 31(5), 146–152. DOI: 10.31171/vlast.v31i5.9812
- Schwab, K., Malleret, T. (2020). *COVID-19: The Great Reset*. Geneva: Forum Publishing.
- Selmer, J., Shaffer, M., Jooss, S., Reiche, B. (2025). A Typology of Long-term Expatriates: Conceptualization, Consequences and Future Research. *Human Resource Management Review*, 35(2), 101074. DOI: 10.1016/j.hrmr.2024.101074
- Taisheva, V. V. (2022). Tsifrovyye nomady i migratsionnyye protsessy v rossiiskoi IT-sfere: politologicheskii analiz [Digital Nomads and Migration Processes in the Russian It: A Political Analysis]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya* [Rudn Journal of Political Science], 24(3), 460–479. DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-3-460-479
- Thompson, B.Y. (2018). Digital Nomads Employment in the Online Gig Economy. *Glocalism: Journal of Culture, Politics and Innovation*, 1, 1–26. DOI:10.12893/gjcpi.2018.1.11
- Tsapenko, I. P., Grishin, I. V. (2022). Virtualizatsiya transgranichnoi trudovoi migratsii [Virtualization of Cross-Border Labor Migration]. *Vestnik rossiiskoi akademii nauk* [Herald of the Russian Academy of Sciences], 92(9), 849–859. DOI: 10.31857/S0869587322090109
- Ullah, A., Hassan, H., Mohamad, S., Chatteraj, D. (2021). Privileged Migrants & their Sense of Belonging: Insider or Outsider? *Asian Journal of Social Science*, 49(3). 161–169. DOI: 10.1016/j.ajss.2021.03.004
- Zorin, V. Yu., Astvatsaturova, M. A., Burda, M. A. (2025). Migratsionnyye protsessy v sovremennoi Rossii: aktual’nye reaksii politiki i upravleniya [Migration Processes in Modern Russia: Current Policy and Management Reactions]. *Rossiiskii sotsial’no-gumanitarnyi zhurnal* [Russian Social and Humanitarian Journal], 4, 110–126. DOI: 10.18384/2224-0209-2025-4-1678

Received 10.10.2025

Accepted 10.11.2025

© 2026 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license — <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>